

Н.Б. ШИПУЛИНА
(Волгоград)

РЕАЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В РОССИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ

Проведен анализ формирования в российской философии реалогического подхода к исследованию культуры как духовной, материальной, социальной жизни человека и общества. Выявляются основные особенности российского способа философствования о культуре, коррелирующие с характерными чертами российской ментальности, способа миропонимания и образа жизни. Выделены и актуализированы значимые для реалогической парадигмы философии культуры концепции российских мыслителей и практиков XX–XXI вв.

Ключевые слова: философия культуры, реалогия, парадигма, повседневность, вещь, вещественное, материальная культура, бытие личности, российский менталитет.

Проблема исследования реалогических оснований российской философии культуры, состоящих в концептуализации смысловенностных статусов вещи и вещественного в культурном бытии человека и общества, тесно связана с особенностями становления российского социально-антропологического знания в целом, со специфическим российским типом рациональности, способами освоения мира и универсализации личности в нем, с предпочтительными методами и инструментарием философствования о культуре. Такая исследовательская задача актуальна, поскольку именно реалогическая парадигма в философии позволяет любое культурное явление, событие или объект, связанные со значимыми для людей ценностями, идеалами, жизненными задачами и поведенческими стратегиями, анализировать как осязаемое через призму конкретных стилей, отдельных предметов, овеществленных идей социальной жизни, воплощенных образов искусства и т. д., что является одной из значимых ментально-духовных особенностей российской культуры в ее истории и современности [8; 15].

Реалогическая модель понимания сущности человека, концентрирующая свой методологический фокус на личных вещах и формах взаимодействия с ними в индивидуальном опыте личности, на вещественных элементах персональной идентичности, является мало изученной и достаточно новой в российской философии культуры. При этом мы убеждены, что это чрезвычайно важное и перспективное направление в российской философии, поскольку его ключевой принцип и методология соотносятся с основными чертами менталитета, способом миропонимания и образом жизни россиян.

Каковы же особенности формирования в российской философии реалогического подхода к исследованию культуры как духовной, материальной, социальной жизни человека и общества, как мира овеществленных идей, желаний, мотиваций, ожиданий, идеалов людей, как совокупности смыслов повседневного переживания и поведения?

Значимой особенностью российского типа осмысления повседневности и вещественного бытия человека в ней, на наш взгляд, является некоторая предметная неопределенность (размытость междисциплинарных границ) и в то же время полипарадигмальность. По существу, философским освоением сферы вещей и вещественного в культурном бытии личности занимались представители разных отраслей гуманитарного знания, выходя за пределы своих предмета и методологии и становясь (осознанно или бессознательно) философами культуры, решая экстрадисциплинарные фундаментальные исследовательские задачи.

Во-первых, это историки культуры, например российские медиевисты, во многом комплиментарные в своей методологии французским историкам школы «Анналов», Л.П. Карсавин, П.М. Бицилли, А.Я. Гуревич, Л.М. Баткин, А.Л. Ястребицкая, О.А. Добиаш-Рождественская; это специалисты в истории античности, например Г.С. Кнабе. Для них чрезвычайно важно было видеть за абстрактным, часто мифологизированным или фальсифицированным, образом исторического прошлого конкретные эпохи некую сущностную аутентичную истину, внутренний стержень

жень, детерминирующий целостность и уникальность исследуемой культуры, а обнаруживали они ее именно в сфере вещественного, повседневного поведения людей, в устройстве их быта. Так, Г.С. Кнабе сложно и тонко пишет о культурных процессах мирового масштаба, осмысляя значение античной культуры в развитии европейского человечества, при этом детально анализирует именно быт, обыденную жизнь древних римлян в практиках и вещественных средах. Историк античной культуры вводит в научный аппарат философии понятие «внутренняя форма культуры», позволяющее не противопоставлять духовное и материальное, высокое и обыденное, смысл и вещь, а, напротив, связывать их как взаимообуславливающие. Г.С. Кнабе отмечает, что «общественная жизнь и бытовая повседневность образуют две нераздельные стороны единого целого. Общественная жизнь связана с бытом, потому что воплощена в людях, и лишь в деятельности людей осуществляются коренные ее процессы. <...> Люди же эти живут в домах, окружены своими, их продолжающими и их выражающими вещами, пользуются так, а не иначе устроенными орудиями труда, руководствуются привычками и нормами» [4, с. 7]. То, что О. Шпенглер называл «душой культуры», В. Дильтей – «объективным духом», Г. Зиммель – «жизненным стилем», – некая общая культурная парадигма – отражается в равной степени и в религиозно-философской мысли, и в художественном творчестве, и в повседневных вещах и практиках. И Г.С. Кнабе подробно исследует повседневные мелочи римской культурной действительности – моду, кулинарию, отношение к роскоши, конфигурации улиц и архитектуру жилища, обнаруживая в них ту самую «внутреннюю форму» – смысловую специфику культуры, ментальные характеристики народа, понимая ее как целостность.

Во-вторых, формированию реалогической парадигмы философии культуры способствовали представители филологических наук: лингвисты, литературоведы, переводчики, комментаторы. Это российская нарратология (С.С. Неретина «Вещное слово, или Говорящая вещь») и шире – семиотика культуры, рассматривающая вещь и вещественное как особый тип текста со специфическими моделями кодирования и дешифровки (Ю.М. Лотман, Г.С. Кнабе, находящийся в своем подходе к изучению вещи на пересечении семиотики и истории культуры, С.Т. Махлина [6] и др.). Сюда же можно отнести и интерпретативно-литературоведческое направление в российской философии культуры: М.М. Бахтин,

Д.С. Лихачев, С.С.Аверинцев, В.Н. Топоров («Вещь в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина)») и теорию коммуникации (И.А. Манкевич «Поэтика обыкновенного: опыт культурологической интерпретации»), фольклористику (например, И.А. Разумова в книге «Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История») исследует пространственно-предметный мир российской семьи в таких реалиях, как дом и приметы «домашности», в реликвиях, фотографиях, вещественных практиках переезда, ремонта, перестановки, восстановления релай семейного быта после катастроф, архивации, хранения, сокрытия или демонстрации, хенд-мейда, утилизации и др.).

Следует отметить также бурные обсуждения работ, посвященных формам повседневного языка как инокультурного (в национальном или субкультурном контекстах), овецивающих сложные особенности русского мышления, души, характера, но специально не исследованным самими носителями менталитета и языкового инварианта. Такова, например, статья Д.С. Лихачева «Черты первобытного примитивизма воровской речи», написанная им в Соловецком лагере особого назначения (как и «Картежные игры уголовников») и опубликованная в начале 1930-х гг. в сборнике Института языка и мышления им. Н. Я. Марра «Язык и мышление». Эта работа представляет собой кропотливое компаративное лингвокультурное исследование повседневной воровской «фени» (как иной, экзотической, культуры), приведшее к серьезным открытиям в философии культуры – выявлению структур примитивного мышления, мифологического сознания в замкнутых сообществах, в данном случае – в субкультуре тюремных заключенных.

Другим примером является реакция российских философов на книгу американской исследовательницы Нэнси Рис «Русские разговоры» [10], которая, эмпирически исследуя повседневные речевые практики в российских семьях Москвы и Санкт-Петербурга 1990-х гг., выявляет такие дискурсивные жанры, риторические фигуры, существенно характеризующие менталитет русских, как литания (молитвенное воззвание, прошение, призывание Бога и святых себе в заступничество) и lamentация (плач, стенание, рыдание), определяя одновременность жалобы на житейские неурядицы, бытовые неудачи и страдания (т.е. разговор о низком, материально-вещественном «низе» бытия человека) и разговоров о Боге и с Богом (т.е. о высоком, главном, сущност-

ном) как культурно-экологическое свойство русской культуры, позволяющее ей не утрачивать своей сути и не страдать кардинально от потрясений и тотальных социальных перемен.

Третья составляющая реалогической парадигмы в российской философии культуры – социологическая. После М. Вебера социология предметно срослась с философией культуры в своем тяготении к «понимающей» методологии и философским обобщениям в исследовании мира вещей и повседневности в духовно-социальной жизни человека. Это Е.Р. Ярская-Смирнова и ее научная школа, В. Вахштайн, представители гендерной социологии С.Н. Николаева, Н.Н. Козлова, С.В. Оболенская, А.В. Белова, Н.Л. Пушкарева и др.

Четвертым направлением и источником современной российской реалогической философии культуры выступают этнография, антропология, ориенталистика. Синологи и японисты анализируют такие феномены культуры, как вещепочитание, культ обиталищ вещей (коробочек, ящичков, упаковок), идей души вещи, тайны и мистики вещей. Это, например, работы В.В. Малявина, Н.И. Конрада, Е.М. Дьяконовой, М.В. Торопыгиной, А.Н. Мещерякова и др.

Представители этнографии и культурной антропологии обращают пристальное внимание на конкретные повседневные вещи, характеризующие этническую культуру или культурный тип. Например, И.А. Морозов изучает антропоморфные артефакты в жизни человека – антропоморфные игрушки [7]. Кукла рассматривается им и как реалогический аналог человека, его двойник, заместитель, расчеловеченная овеществленная копия. О. Штайн предметом своего исследования избрала феномен маски в традиционной и современной культуре [14], и маска у нее одновременно и носитель иерофании, и промежуточное вещественно-антропологическое звено между человеком и куклой, способное, срачиваясь с человеком, бесповоротно менять его личность и судьбу.

Пятым и основным, самым мощным, собственно философским направлением в изучении мира вещественного бытия человека является философия повседневности и реалогия, авторски введенная в терминологический аппарат социально-гуманитарного и философского знания М. Эпштейном [9], призванная обнаруживать и изучать «такую сущность вещи, которая не сводится к техническим качествам изделия, или к экономическим свойствам товара, или к эстетическим признакам произведения. <...> Эта сущность, способная

сживаться, сродняться с человеком, раскрывается все полнее по мере того, как другие свойства вещи отходят на задний план, обесцениваются, устаревают» [16, с. 307].

Такой подход оказался востребованным и даже популярным среди современных российских философов культуры, которые, персонально или объединяясь в творческие научные коллективы, всесторонне исследуют как сам феномен вещи и его онтологические свойства в модусах «завершенность / открытость», «простота / сложность», «подлинность / фальшь», «единичность / тиражируемость», «новизна / ветхость», «присутствие / отсутствие», «чтойность / симулятивность» и т.п. [2; 3; 11–13], так и среды и практики обращения человека с вещью в категориях обладания и утраты, созидания и разрушения, накопительства и расточительства, дарения, коллекционирования [5], реконструкции, хранения, музеефикации, виртуализации и др.

Отметим также, что в характере и сути формирования реалогической традиции философских и социально-гуманитарных исследований ярко отразилась такая глубинная ментальная и исследовательская методологическая тенденция в философствовании, как потребность в подкреплении (а порой и замене) теоретических рассуждений и утверждений художественными текстами – литературными, музыкальными, живописными, архитектурными и др. Например, С.С. Аверинцев писал об этом: «На Руси <...> философствование осуществлялось в специфических формах: в формах иконописания. Не в трактатах, а в иконах <...> приходится искать центральные идеи древнерусской культуры. Творчество красоты приняло на себя дополнительные функции, которые в других культурах принимало на себя абстрактное мышление» [1, с. 12–13]. Речь идет о том, что, с одной стороны, тяготея к идее высокого нематериального смысла существования человека в мире культуры, к идеалистическим построениям, российская философия стремится для подтверждения истинности и убедительности своих идей найти и утвердить некую устойчивую зримую и осязаемую, т.е. вещественную, форму художественного объекта – картины, скульптуры, инсталляции. В самом деле, помимо иконописи, о которой пишет С.С. Аверинцев, убежденный, что «музы сестры» и «разные виды человеческого творчества имеют сходные проблемы и сходные шансы», функции российской философии культуры и вообще философствования в определенном смысле выполняли и выполняют литературная критика, журналистика, все формы пластического художественного творчества, фотогра-

фия, театр, поп-арт, дизайн, кинематограф, телевидение, шоу-бизнес.

Философия культуры как наука обобщает, стремясь сделать сложные вещи простыми, а произведение искусства конкретизирует и индивидуализирует, усложняя простое, и в российском способе мыслить культуру в философских категориях эти, по сути, противоположные, ментальные операции осуществляются чаще взаимодополнительно, нежели исключая друг друга, поэтому в России философия культуры – это не вполне или не только рациональное освоение мира, но воплощение в поэтическое слово, в материальный объект (в вещь) пластического искусства, в кинокадр или фотоснимок, даже в бытовое изделие утонченного и глубокого смысла.

Примерами этой важной особенности и российского мышления, и реалогической философии культуры может стать литература: «вещеписательство» и упоение бытовыми деталями Н.В. Гоголя, у которого Коробочка, Плюшкин и другие герои становятся живыми и настоящими только благодаря реалогическому миру, выстроенному вокруг них писателем, а сами вещи обладают самостоятельным онтологическим статусом, но не просто живут своей жизнью, а бытийствуют, свидетельствуя о своем владельце; трогательное и внитковенное внимание и приязнь к самым простым вещам как хроноуловителям, «силкам и ловушкам» персональной памяти, удерживающим ощущение, мысль, чувство, не позволяющим потерять ощущение реальности и «настоящести» собственного персонального бытия в акмеизме («протертый коврик под иконой...», «перчатка», «кольцо» и др. у А. Ахматовой); поколенческие вещественные «пароли» для распознавания сверстника Марины Бородицкой:

*Встаньте, кто помнит чернильницу-непроливайку,
Светлый пенал из дощечек и дальше по списку :
Кеды китайские, с белой каемочкой майку,
И промокашку, и вставочку, и перочистку.*

*Финские снежные, в синих обложках тетради,
День, когда всем принести самотиски велели,
Как перочистки сшивали, усердия ради,
С пуговкой посередине, – пачкать жалели.*

Та же тенденция проявляется и в художественных проектах акционистов, перформансистов, инсталляторов (например, экспозиция «История одного заброшенного дома, или Негромкий разговор вещей», созданная группой в 1990 г. позднесоветских художников под руководством М. Коники на Сенеже или проект «Виртуальный музей» М. Шемякина), концептуалистов.

Замечательные примеры мы находим в российском кинематографе: ярчайшая работа Константина Фама – короткометражный фильм «Туфельки» (2012 г.), где пара женских туфель – вещественная метафора биографической истории конкретной жертвы Холокоста. Порой российские кинематографисты оказываются лучшими и более внятными теоретиками реалогии, нежели сами философы. Так, Георгий Рерберг, оператор, работавший с Андреем Тарковским, определил свой художественный метод как «поэтический натурализм», потому что он строился на «вникновении в вещь», когда творец наполняет кинокадр вещами, но не обязательно такими, которые скажут об эпохе, а заговорят о человеке, персонаже. Особыми возможностями в этом отношении обладает документальный кинематограф – уникальный инструмент освоения вещи, главной особенностью которого М. Ямпольский считает его онтологизм.

Современные музейные практики в своих реалогических проектах также выступают в роли философов культуры (например, Т. Гафар разработала и осуществила проект «Школа народной реставрации “Антресоль”» в Волгограде, предоставивший возможность горожанам, владельцам семейных реликвий, научиться у профессиональных музейных реставраторов восстанавливать и поддерживать целостность своих бесценных раритетов – книг, мебели, украшений и других вещественных хранителей семейной памяти).

Еще одна существенная особенность российской философии вещей – оксюморонность, одновременность противоположных полюсов в осмыслении культуры. Удивительным образом в философских рассуждениях российских авторов сочетаются мораль, религиозная вера, высшая одухотворенность бытия человека и повседневность в ее вещественно-телесном воплощении. С. Аверинцев говорит о Боге, высшей духовности, значимых категориях любви к ближнему, семье, имея в виду отнюдь не абстракции, а опыт – чувственный, телесный, вещный. Название сборника статей Вячеслава Иванова «Родное и вселенское» очень точно передает способность российской философии культуры совмещать такие масштабы бытия, как всеобщее и единичное, глобальное и локальное, возвышенное и низменное.

Таким образом, значимым ответом на нашу исследовательскую проблему является установление параметров корреляции и взаимодействия черт российской ментальности и культуры в ее традиции и современности с направлениями и этапами форми-

рования российской реалогической философии культуры, исследующей смыслы личных вещей и явлений частной и публичной жизни человека, проникая в его вещественный персональный жизненный локус, во внутренний мир сокровенного – биографической памяти, самопознания, творчества.

Литература

1. Аверинцев С.С. Красота как святость // Курьер. 1988. Июль.
2. Встреча с простотой : моногр. / под ред. О.В. Иншакова. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2006.
3. Корнев В.В. Философия повседневных вещей. М. : ООО «Юнайтед Пресс», 2011.
4. Кнабе Г.С. Древний Рим – история и современность. М., 1986.
5. Малинкин А.Н. Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2011.
6. Махлина С.Т. Семиотика повседневности. СПб. : Алетейя, 2009.
7. Морозов И.А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре (Кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма). М. : Индрик, 2011.
8. Полежаев Д.В. Идея менталитета в русской философии «золотого века». Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003.
9. Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / под ред. Г.Л. Тульчинского и М.Н. Эпштейна. СПб. : Алетейя, 2003.
10. Рис Н. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М. : НЛО, 2005.
11. Сила простых вещей : сб. ст. / под ред. С.А. Лишаева. СПб. : Алетейя, 2014.
12. Философия наивности / сост. А.С. Мигунов. М. : Изд-во МГУ, 2001.
13. Шипулина Н.Б. От семиотики к реалогии: методологическая эволюция исследовательского и интерпретационного инструментария культурологии повседневности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 4(33). С. 261–267.
14. Штайн О.А. Маска как форма идентичности: введение в философию образа. СПб. : Изд-во РХГА, 2012.
15. Щеглова Л.В. Судьбы российского самопознания (П.Я. Чаадаев и Н.В. Гоголь) : моногр. Волгоград : Перемена, 2000.
16. Эпштейн М. Вещь и слово. К проекту «лирического музея» или «мемориала вещей» // Вещь в искусстве : материалы науч. конф. М. : Сов. художник, 1986. Вып. XVII. С. 302–324.
17. * * *
1. Averintsev S.S. Krasota kak svyatost // Kurer. 1988. Iyul.
2. Vstrecha s prostotoy : monogr. / pod red. O.V. Inshakova. Volgograd : Volgogr. nauch. izd-vo, 2006.
3. Kornev V.V. Filosofiya povsednevnykh veschey. M. : OOO «Yunayted Press», 2011.
4. Knabe G.S. Drevniy Rim –istoriya i sovremennost. M., 1986.
5. Malinkin A.N. Kollektioner. Opyit issledovaniya po sotsiologii kulturyi. M. : Izd. dom Gos. un-ta – Vyissh. shk. ekonomiki, 2011.
6. Mahlina S.T. Semiotika povsednevnosti. SPb. : Aleteyya, 2009.
7. Morozov I.A. Fenomen kukly v traditsionnoy i sovremennoy kulture (Krosskulturnoe issledovanie ideologii antropomorfizma). M. : Indrik, 2011.
8. Polezhaev D.V. Ideya mentaliteta v russkoy filosofii «zolotogo veka». Volgograd : Izd-vo VolGU, 2003.
9. Proektivniy filosofskiy slovar: Novyie terminy i ponyatiya / pod red. G.L. Tulchinskogo i M.N. Epshteyna. SPb. : Aleteyya, 2003.
10. Ris N. Russkie razgovoryi. Kultura i rechevaya povsednevnost epohi perestroyki. M. : NLO, 2005.
11. Sila prostykh veschey : sb. st. / pod red. S.A. Lishaeva. SPb. : Aleteyya, 2014.
12. Filosofiya naivnosti / sost. A.S. Migunov. M. : Izd-vo MGU, 2001.
13. Shipulina N.B. Ot semiotiki k realogii: metodologicheskaya evolyutsiya issledovatel'skogo i interpretatsionnogo instrumentariya kulturologii povsednevnosti // Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura. 2012. № 4(33). S. 261–267.
14. Shtayn O.A. Maska kak forma identichnosti: vvvedenie v filosofiyu obraza. SPb. : Izd-vo RHGA, 2012.
15. Scheglova L.V. Sudbyi rossiyskogo samopoznaniya (P.Ya. Chaadaev i N.V. Gogol) : monogr. Volgograd : Peremena, 2000.
16. Epshteyn M. Vesch i slovo. K projektu «liricheskogo muzeya» ili «memoriala veschey» // Vesch v iskusstve : materialyi nauch. konf. M. : Sov. hudozhnik, 1986. Vyip. HVII. S. 302–324.

Realogic paradigm in the Russian philosophy of culture

There is carried out the analysis of formation in the Russian philosophy of the realogic approach to the research of culture as spiritual, material, social life of a person and society. There are revealed the basic peculiarities of the Russian way of philosophy of culture that correlate with the characteristic features of the Russian mentality, way of world perception and lifestyle. There are marked out and implemented the significant conceptions of Russian thinkers and experts of the XX–XXI centuries for the realogic paradigm in the Russian philosophy of culture.

Key words: *philosophy of culture, realogy, paradigm, everyday life, thing, material culture, personality being, Russian mentality.*

(Статья поступила в редакцию 10.08.2014)